

СТРУКТУРНО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ЧАСТНОЙ И
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ГРАЖДАН СОВЕТСКОЙ РОССИИ
ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ 1920-Х ГГ.

B. С. Измозик

В статье на основании различных материалов политического контроля (перлюстрация, сводки, доклады партийных комитетов, политорганов Красной Армии и Флота, органов ВЧК-ОГПУ) сделана попытка вычленить формировавшиеся основные типы социального поведения советских граждан в обстановке, когда большевистская власть после победы в ходе Второй российской революции 1917-1922 гг. стремилась внимательно отслеживать умонастроения населения во всех сферах общественной жизни.

Ключевые слова: типы социального поведения, перлюстрация, двойная мораль, боязнь репрессий, искренне верующие, конформизм, нонконформисты.

Любое историческое изыскание сталкивается с проблемой неадекватности внешних проявлений и сущностных факторов в поведении людей. Особенно сложно вычленить истинные мотивы, когда люди вынуждены укрывать их за частоколом слов-символов, предъявляемых власти как доказательство своего послушания и верности ей. Поэтому для анализа особенностей частной и общественной жизни советских граждан в 1920-е гг. мы обратились к материалам поэтического контроля. Его система, состоявшая из нескольких важнейших каналов оповещения (партийно-советского, ВЧК-ОГПУ, военного), одной из важнейших задач имела информирование руководства страны о подлинных настроениях и мыслях всех категорий населения.

В совокупности все эти материалы говорят о стремлении значительной части населения, привыкшей размышлять, сопоставлять официальные лозунги и реальную действительность, скрывать свои подлинные настроения. Идет формирование двойной морали: одна для внешнего употребления, другая в обществе с близкими себе людьми. Так в годовом отчете военной прокуратуры Балтфлота и Кронкрепости за 1924 г. отмеча-

лось, что бывший офицерский состав стал «после прошедшей чистки еще более, чем прежде, замкнутым» [1, л.5]. Информационная сводка ОГПУ по Ленинградской губернии в январе 1925 г. указывала, что «настроение профессуры определить крайне трудно» [2, л.15].

Структурно-текстологическое исследование разнообразных видов материалов этой системы (сводки, перлюстрация и т.д.) позволяет сформулировать следующие основные положения:

1. В эти годы значительная часть населения все чаще стремится скрыть свои подлинные настроения от власти из-за боязни репрессий (увольнение, лишение права на учебу в средних специальных и высших учебных заведениях, арест и т.д.). Говоря о настроениях беспартийных в связи с дискуссией на XIV съезде ВКП (б), сводка ОГПУ сообщала, что в Мариинском театре в Ленинграде «работники оркестра молчат, боясь себя проявить, чтобы не произошли аресты» [3, л.51]. Эту формирующуюся атмосферу лицемерия ощущали и искренние сторонники социалистических идеалов. В декабре 1925 г. женорганизатор Лужского уезда Ленинградской губернии делилась настроением: «Большинство комму-

наров видит в женщине самку, а не человека. Ты думаешь, что где-либо есть то, что мы ищем. Нет, везде только притворство и двуличие и худо тем, кто не умеет жить в своей скорлупе» [4, л.324].

2. Идет формирование двойной системы взглядов и морали: для внешнего употребления и для общения с близкими себе людьми. Суть этого процесса передает высказывание, зафиксированное одесскими чекистами в конце 1920-х гг. На вопрос профессора Павлова¹, как определить понятие «право выборов», математик Шатуновский² ответил: «это есть право поднять одну руку вверх, а другую руку с комбинацией из трех пальцев держать в кармане» [8, л.107]. Проявлениеми такой морали стали распространение политических анекдотов, высказывание недовольства в частной переписке и разговорах, тайное совершение религиозных обрядов, распространение антисемитизма как выражение социального недовольства, в том числе у части комсомольцев и коммунистов, стремление вступить в комсомол и в партию по чисто карьеристским мотивам и т.п.

3. Усиливается тенденция к формализации опенки политических настроений населения, исходя из участия граждан в официальных мероприятиях (собрания, демонстрации, выборы, вступление в различные общественные организации политической направленности и т.п.) и ведение т.н. "общественной работы". Спецсводка Петроградского ОГПУ, оценивая поведение старых специалистов, отмечала в начале февраля 1924 г., что их «настроение показательно-пассивное, в траурной демонстрации [по случаю смерти Ленина] участия они не принимали [9, л.31]. Характеризуя настроение ленинградских учителей за 1924 г., ОГПУ указывало, что «демонстрации посещают вяло, на 20-30 %» [10, л.16]. Такое поведение было присуще не

только интеллигентии и служащим, но в определенной, может быть, в меньшей степени, рабочим и крестьянам. Армейский партработник в сентябре 1925 г. сообщал в письме: «Я вызвал красноармейцев на откровенность, и они заявили: «Нам говорит комполитсостав, что мы служим ... не за страх, а за совесть. Мы это заучили. И когда нас спрашивают на политчесе, то мы так и отвечаем. А на самом деле все мы служим за страх, а многие из нас даже проклинают армию». ... Таких случаев масса» [5, л.307].

4. Все это ставило личность перед выбором: ориентироваться в своем повседневном поведении на пропагандируемые сверху образцы или сохранять, хотя бы в частной жизни, независимые нравственные стереотипы.

При этом, определяя типы поведения в зависимости, прежде всего, от политических настроений, мы руководствуемся следующими соображениями. Политические настроения населения в реальной повседневности представляют собой весьма сложный сплав политических убеждений, мнений по тем или иным конкретным проблемам, личных симпатий или антипатий к политическим деятелям. Политические настроения определяются целым комплексом причин, куда входят окружающая среда, образование, воспитание, духовное самосознание, материальные условия жизни и их перспективы, личный опыт общения с властями, особенно местными, и многие другие компоненты. Поэтому политические настроения достаточно подвижны. Они могут меняться под воздействием тех или иных законодательных актов, поведения отдельных представителей властных структур, событий личной жизни. У конкретных людей различна и глубина их политических настроений. У одних, весьма немногих, политические настроения неразрывно связаны с убеждениями и являются прочной основой их активной политической деятельности. Для других, большинства населения, характерно отсутствие четких политиче-

¹ Установить о ком идет речь, не удалось.

² Скорее всего, речь идет о С. О. Шатуновском (13.03.1859 – 29.03.1929), профессоре Новороссийского университета в Одессе

ских убеждений. В этом случае они замещаются политическими настроениями и представляют собой соединение различных, нередко несовпадающих мнений по отдельным аспектам повседневной жизни. Сами же политические настроения, особенно в случае отсутствия альтернативной информации, регулярных и действительно свободных, альтернативных выборов, чаще всего не связаны с реальным участием гражданина в тех или иных политических мероприятиях, его поведением по отношению к существующей власти. Заметим так же, что поведение конкретного человека может естественно меняться под влиянием различных объективных и личностных факторов.

С учетом всего этого мы выделяем несколько основных типов личностного и общественного поведения в 1920-е гг.:

1. Искренне верующие сторонники нового общества. Их частная и общественная жизнь проходила под знаком одних и тех же коммунистических идеалов будущего равенства, братства людей, утверждения притягательных норм поведения в быту. Даже в самые тяжелые моменты такой человек верит в окончательную победу и в своих вождей: «Вера и надежда крепка, что белые Петрограда не возьмут», «Советская власть у нас, благодаря Богу, крепнет. Вот только подлец Деникин наводит панику, забрав весь Донецкий бассейн, но т. Троцкий лично взялся за это дело и, конечно, Деникину несдобровать» [11, л.16; с.206]. Он не спешит и видит массу негативных проявлений, но подобно тому, как его предки надеялись на государя, в его сознании верховным судьей, который, безусловно, наведет порядок и устранит злоупотребления, стал революционный вождь.

У типичного сторонника советской власти жажда новой жизни соединяется с ненавистью к тем, кто мешает войти в это «царство рабочих и крестьян». Коммунистическая ячейка Дубровской волости Пензенской губернии в начале 1919 г. приняла резолюцию: «Долой мучительные уроки снисходительности к

врагам революции. Все активные враги рабоче-крестьянской власти должны быть уничтожены, все сочувствующие контрреволюционерам брошены в тюрьму. Мы, коммунисты, требуем самого сурового режима к заключенным буржуа. Мы при тесной сплоченности с нашими братьями из других стран заставим задохнуться и затрепетать от ужаса буржуазию всего мира» [12, л.48].

В 1920-е гг. слой таких людей заметно увеличился. Многие партийцы и комсомольцы были убеждены, что имеющиеся «болезни общества» – общая отсталость страны, «родимые пятна» капитализма, бюрократизм и неграмотность населения – будут постепенно преодолены по мере строительства социализма. Они чистосердечно воспринимали партийные лозунги и решительно подавляли в своей душе малейшие колебания, если они появлялись, придерживаясь партийной дисциплины. Они охотно верили сообщениям о заговорах, вредительстве, используя их как универсальное объяснение многим явлениям. Комсомолец-пограничник П. А. Приходько в апреле 1924 г. писал своему товарищу А. И. Сиколенко в Полтаву: «Ты пишешь, что ты часто находишься дома и знаешь настроение крестьян и нашей молодежи. Если она дезорганизована, то разъясняй им, что у нас рабоче-крестьянская власть, то чтобы она существовала, ее и должны поддерживать сами же рабочие и крестьяне. Организована ли изба-читальня, есть ли журналы, книги, газеты. Если нет, то покажи им путь, где их достать и получить, организована ли комячейка или РКСМ, если не организована, то по каким причинам. Может быть, тебе покажется странным, что все это меня интересует, но каждого сознательного бойца рабоче-крестьянской власти это все должно интересовать, потому что это все его родное и это должно его интересовать, потому что без этого всего нас может победить легко буржуазия всего мира. Находясь часто дома, ты должен давать пример своим поведением» [13, л.54].

Одновременно в обществе существовала искренняя вера в торжество коммунистических идеалов. Эти люди мечтали о времени, когда «народы, распри позабыв, в единую семью соединятся». Военмор Ф. Головин писал из Кронштадта в декабре 1924 г.: «Мы должны бороться за движение человечества от инстинкта к сознанию. Будущая мать, мать коммунистического общества, будет равно ценить как свое личное дитя, так и дитя другого индивидуума» [14, л.171]. Этой верой, в первую очередь, была охвачена часть молодежи, получавшая необходимый ориентир для духовных устремлений. Такая вера звучит в одном из писем в конце 1924 г.; «Для Партии, во имя Партии бороться, жить и умереть ... Молодость комсомольца – в Партию, для Партии, во имя Партии» [7, л.146]. Но именно многим из этих людей была присуща острота восприятия окружающей жизни, несовпадения идеалов и реальной действительности. На разных уровнях они пытались отстаивать свое право на самостоятельный анализ происходящих в обществе процессов. Эти ребята размышляли о проблемах будущего коммунистического общества, его развитии. Некий Розанов писал в Ленинград в октябре 1924 г. другу: «Передо мной цель – коммунистическое общество, но ведь нельзя же допустить, что люди, достигнув коммунизма, почют на лаврах, т.е. задерут ноги и станут плевать в потолок. Все мол у меня есть, трудиться в день нужно только полчаса, все сделано, чего только моя нога хочет. Но ведь это будет не жизнь, а свинское существование у корыта с болтушкой. Ясно, что появится новый мотив борьбы опять и опять, борьба бесконечна» [5, л.74].

Определенное и заметное влияние оказывали на рабочих социальные за-воевания, в частности организация домов отдыха и санаториев. Как это воспринималось на уровне конкретного человека, показывает письмо работницы в мае 1925 года из Сестрорецка: «Не успела выйти из больницы, как мне уже боль-

ница приготовила место в Сестрорецком курорте, где и нахожусь в настоящее время. Да, действительно, скажешь спасибо Советской власти за предоставленное удовольствие трудящимся. Если с меня и высчитали половину оклада, то на это я бы не могла получить то, что мне дает санатория. Находимся в сосновом лесу, воздух замечательный, кормят пять раз в день, питание шикарное; лечение по всем специальностям. Получаю уколы мышьяка, пью Ессентуки, словом попала в рай земной на полтора месяца» [6, л.120].

Это тип **просоциального поведения**, мотивированный нормами социальной ответственности и нормами социальной взаимности.

2. «Чиновники». Это люди, воспринимавшие идеологию нового строя как определенный ритуал, но не намеренные строго выполнять его в обстоятельствах реальной жизни. Их поведение также можно отнести к типу **просоциального поведения**. Но мотивация тут была обусловлена **собственными интересами** для получения непосредственной выгоды или будущей взаимной выгоды

Психологический портрет этой части коммунистов и комсомольцев виден из писем людей, вступавших в середине 1920-х гг. в РКП (б). Из Вятской губернии автор писал студенту 1-го Политехнического института в Ленинграде: «Я узнал о твоем намерении попасть в партию. Ты спрашиваешь мнения, ... так вот я считаю, что практически очень выгодно быть коммунистом, особенно человеку с головой» [15, л.45]. В эти же дни некий А. П. Павлов со станции Белоостров под Ленинградом сообщал на станцию Бологое родителям своей невесты: «Приготовьте ... 20 бутылок [самогона], тогда я приеду и оправдаю дорогу, да еще останется на покупку необходимых для нас вещей, кольца обручальные куплены. Я решил, если хотите венчаться, то только у вас. Меня, наверное, к Пасхе примут в партию, и у нас тогда нельзя будет» [5, л.46]. Эти люди охотно одевали требуемую политическую «маску» и были готовы вы-

полнять любые указания руководства, лишь бы это не мешало решению их личных жизненных проблем. В ноябре 1924 г. письмо из Ленинграда в Париж рисовало образ такого человека: «А. Ф. уже кандидатка в партию РКП... Быть же общественным деятелем с определенным политическим уклоном сейчас очень выгодно. ... в сентябре прошлого года она была сокращена из хора театра, а нынче в октябре ей поручают провести сокращения в хоре, т.е. она уже является властью. Это страшный яд в руках малокультурного человека. Она чувствует себя очень хорошо, ее не смущает и не возмущает, как меня, такая перемена собственных убеждений» [7, л.208]. Одновременно, особенно в сельской местности, это сочеталось со злоупотреблением властью, взяточничеством и пьянством. В октябре 1924 г. А. С. Сергеенков из села Узкого Городокской волости Витебской губернии писал: «Ни одного честного коммуниста у нас здесь нет, вор на воре и пьяница на пьянице» [15, л.72]. Такую же характеристику местных работников давал ленинградский рабочий-коммунист, направленный на работу в деревню, из Каменского округа Донской области: «Здесь, где я нахожусь, непроглядная тьма... Коммунистам можно делать все и командовать, чувствовать себя выше других, пьянствовать и плевать в морду беспартийному. Вот прелести, которые творятся в деревне и которым нет границ и благодаря которым полное отсутствие беспартийного актива вокруг ячеек» [4, л.327].

То, что подобное не было единичным явлением, подтверждает оценка Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе в обзоре политico-экономического состояния крестьянства Северо-Западной области в ноябре 1925 г.: «Пьянство низовых работников, сопровождаемое озорством и дебошами, по-прежнему остается массовым явлением... По-прежнему наблюдается взяточничество и злоупотребления низовых работников» [16, л.50].

3. Конформисты. Они принимали навязываемую систему норм и ценностей по разным мотивам и с разной степенью внутренней подчиненности. Здесь можно выделить три вида конформизма:

а) Внутренняя конформность.

Человек искренне принимает точку зрения большинства, меняя свои внутренние убеждения. Он действительно верит, что группа права, перестраивая своё восприятие ситуаций и надеясь на постепенную либерализацию большевистского режима. Настроения такой значительной части интеллигенции, желавшей устойчивой нормальной жизни, готовой примириться с советской властью, получив возможность для творческой работы, относительно сносные условия существования, отражало письмо из Торжка Тверской губернии в сентябре 1925 г. в Эстонию: «У нас настроение обычного человека, захваченного потоком исторической стихии и осознающего свое бессиление бороться с ним... Мы уже отказались жить по нашим желаниям, т.к. всякая такая попытка очень сильно отзывается на нашей спине. Но в то же время мы уверены..., если страна не погибнет, то она возродится..., признаки возрождения несомненны. Очень медленно совершается у нас переход от фантастики к реальной жизни. Процесс этот внутренний, и чем более внутренний, тем скорее он совершится. Эмиграция едва ли что может тут сделать. Рассчитывать на внутреннюю революцию – бессмысленно, на внешнюю интервенцию – смешно... Для людей сознательных и в то же время по убеждениям не могущих войти в правящую партию, остается один путь, какой-нибудь производительной работы. Труден этот путь, т.к. приходится подвергать себя многочисленным ограничениям, но этот путь единственно правильный. На этом пути произойдет в конце концов слияние враждующих сейчас элементов. ... Что здесь страшно, ощущается лишь немногими. Это страшное, нестерпимое для немногих, для массы не понятно – это отсутствие свободы слова. Все прочее ничуть не

хуже того, что было раньше. Всюду привычный для обывателя порядок» [5, л.11].

б) Вынужденная конформность.

Человек в силу реальных условий жизни вынужден врать, лицемерить, чтобы получить возможность учиться, работать, не быть изгоем. В ходе «чистки» вузов весной 1924 г. студентка из Харькова писала отцу: «Твоих документов не показывала, ибо я в анкетах писала: «отец в 1915 г. убит на войне» [7, л.221]. Эта боязнь была вполне обоснованной. В мае 1923 г. из парторганизации Кронштадта сообщали в губком, что по случаю высылки из города бывшего меньшевика Селицкого «группой ответственных работников была устроена пирушка, на которой поднесли Селицкому адрес», в результате «дело передано в Контрольную комиссию, некоторые из членов партии, замешанные в этом деле, намечены к исключению, некоторые к снятию с должности» [17, л.5]. 4 августа 1924 г. в ходе демонстрации протеста против империалистической войны был арестован некий И. И. Гаевский, «который среди демонстрантов критиковал цифры убитых и раненых во время империалистической войны, что якобы таковые не соответствуют действительности» [12, л.201].

в) Внешняя конформность.

Человек публично соглашается с навязываемыми установками, но в глубине души остаётся при своём мнении. В этом случае он подчиняется, чтобы избежать конфликта, наказания или осуждения со стороны властных структур.

Во время объявленного после смерти Ленина в 1924 г. т.н. «ленинского призыва» А. Л. Евгенов писал из Ярославля другу в Ленинград: «Есть причины, которые мешают вступлению в партию... главное, иногда выпивки в кругу тех же коммунистов, что противоречит их учению. ... я не могу мириться с тем бюрократизмом, с тем чиновничеством, которое есть еще в верхах наших ответственных работников. Так же я не мирюсь с этой вербовкой в члены РКП, которая прошла

среди рабочих в связи со смертью Ленина» [5, л.21].

Имелись в обществе и те, кто выбирал духовную независимость. Из Орловской губернии в июле 1925 г. неизвестная девушка писала: «Если бы я записалась в партию, то мне было бы возможно учиться в университете, но я не могла записаться, потому что не со всеми пунктами коммунистической программы согласна. Коммунисты не признают никакой другой религии, кроме коммунистической, а я нахожу такое миросозерцание несколько ограниченным. ... Я не могла отречься от религии и вступить в партию, чтобы иметь возможность учиться и быть активной работницей» [5, л.59]. Составным элементом внутреннего конформизма было также ощущение «обмана», утраты идеалов, растущего лицемерия в коммунистических рядах. Молодой коммунист из Тулы делился своими мыслями: «Многое везде еще казенщины и бюрократизма. Вера в возможность скорой победы, открыто признаюсь, уходит все дальше. ... Меня, конечно, обвинят за это ..., но факты, эти упрямые факты творящихся неурядиц во всем советском строительстве, говорят самим за себя» [6, л.103].

4. Нонконформисты.

Эта группа, исходя из собственных представлений, отвергала утверждавшуюся систему общественных ценностей. Во-первых, это те, кто сознательно поддерживал белое движение. Один из корреспондентов писал в Сербию: «Партия – это гнездо грязи... Вся шантрапа в партии... 50 % партийных – контрреволюционеры в душе. Армия наша – это сброд, недисциплинированный, но запуганный сброд... Грязные, немытые ходят эти бараны и поют свои революционные песни. ... Надежд на перемену декорации все меньше и меньше...» [7, л.96]. Во-вторых, это участники различных социалистических движений, недовольные диктатурой компартии. Перлюстрация при этом фиксировала наличие участников различного рода подпольных групп. В декабре 1924 г. Н. Бауков писал из г. Ни-

колаева в Ленинград: «6-ти месячное заключение и 8-ми дневная голодовка, тюремная жизнь со всеми ее прелестями одиночного заключения окончательно перевоспитали меня. ... Тюрьма не исправляет, тюрьма напротив закаляет, тюрьма учит большей сплоченности в борьбе. ... Безумцы и слепцы – те, кто думает, что могут убить революционное движение. Можно на время задушить его, но убить нельзя» [11, л.123]. К другому политическому направлению принадлежала автор письма из Полтавы в Ленинград в апреле 1925 г.: «Я мечтала и мечтаю о медицине, но это напрасно. У нас принимают членов союза и членов комсомола, а я себя не могу продавать за чечевичную похлебку. Ты, наверно, слыхал, что мы – ярые сионисты... с того момента, в день крестовых походов, т.е. арестов в СССР, куда и я попала..., я задавала себе вопрос: за что я сижу, за что томятся мои братья в советских тюрьмах? За то, что мы евреи и хотим улучшить их положение, так как они страдают экономически, духовно и морально, т.е. создать правоохранение [правоохранное] убежище в [палести] не. ... Нас хотят Евсекция (еврейская секция РКП (б) – ВКП (б) – В. И.) и ГПУ своими репрессиями уничтожить..., но наши дети нас заменят» [18, л.167]. В-третьих, это люди, разочаровавшиеся в официальных лозунгах на основе своего жизненного опыта и сопоставления их с реальной жизнью. Например, бывший комсомолец, 19-летний Н. А. Ильинский летом 1926 г. направил письмо в британскую миссию в Москве с резкой критикой советской власти и просил опубликовать его в англий-

ских газетах. Письмо было задержано, а его автор был арестован. На допросе в октябре 1926 г. Николай Ильинский заявил: «великие социальные вопросы надо разрешать не путем силы, а путем эволюции. ... я полагаю, что большевики, производя Революцию, поступили неправильно» [19, л.49].

Нам не представляется возможным с достаточной адекватностью вычленить количественное соотношение вышеперечисленных групп. Однако постепенная стабилизация жизни к середине 1920-х гг. и, как результат, рост позитивных политических настроений, подтверждается контент-анализом перлюстрированной переписки. Положительное отношение к центральной власти и коммунистической партии в целом высказали 64,7 % деревенских и 53,1 % городских корреспондентов, затронувших эту тему. Но если центральная власть к середине 1920-х гг. признавалась значительной частью населения символом стабильности и надежд на будущее, то отношение к местной власти разительно отличалось почти всеобщим недовольством. Среди 82 деревенских писем, касавшихся поведения местных властей, 96,3 % оценивали его негативно. Среди городских корреспондентов местными властями были недовольны 92,6 % авторов [8, 10]. Таким образом, анализ материалов политического контроля доказывает, что новый общественный строй породил у значительной части советских граждан скрытый конфликт между частной и общественной жизнью, между традиционными представлениями и новыми идеологическими нормами.

Список источников и литературы

1. Центральный государственный архив историко-политических документов СПб. (ЦГАИПД СПб.). Ф.16. Оп.5. Д.5951.
2. ЦГАИПД СПб. Ф.16. Оп.6. Д.6913.
3. ЦГАИПД СПб. Ф.16. Оп.6. Д.6932.
4. ЦГАИПД СПб. Ф.16. Оп.6. Д.6947.
5. ЦГАИПД СПб. Ф.16. Оп.6. Д.6943.
6. ЦГАИПД СПб. Ф.16. Оп.6. Д.6934.
7. ЦГАИПД СПб. Ф.16. Оп.5. Д.5915.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.3316. Оп.2. Д.554.
9. ЦГАИПД СПб. Ф.16. Оп.5. Д.5908.

10. ЦГАИПД СПб. Ф.16. Оп.6. Д.6930.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
- Ф. 17. Оп. 65. Д. 141; Давидян И., Козлов В. Частные письма эпохи Гражданской войны. По материалам военной цензуры // Неизвестная Россия. XX век. М.: Историческое наследие, 1992. Вып. 2.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 416.
13. ЦГАИПД СПб. Ф.16. Оп.5. Д.5911.
14. ЦГАИПД СПб. Ф.16. Оп. 6. Д. 6939.
15. ЦГАИПД СПб. Ф.16. Оп. 6. Д.6925.
16. ЦГАИПД СПб. Ф.16. Оп.4. Д.4800.
17. ЦГАИПД. СПб. Ф.16. Оп.5. Д.5910.
18. ЦГАИПД СПб. Ф.16. Оп.6. Д.6938.
19. РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.170.

Измозик Владлен Семенович – д.и.н., профессор кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), izmozik@mail.ru

STRUCTURAL AND TEXTUAL ANALYSIS OF THE PROBLEMS OF PRIVATE AND PUBLIC LIFE OF CITIZENS OF SOVIET RUSSIA BASED ON THE MATERIALS OF POLITICAL CONTROL IN THE 1920S

V. S. Izmozik

Based on various materials of political control (perlustration, summaries, reports of party committees, political organizations of the Red Army and Navy, organs of the Cheka-OGPU), the article attempts to isolate the main types of social behavior of Soviet citizens that were forming in an environment when the Bolshevik government, after the victory during the Second Russian Revolution of 1917-1922, sought to closely monitor the mentality of the population in all spheres of public life.

Keywords: types of social behavior, perlustration, double morality, fear of repression, sincere believers, conformism, nonconformists.

References

1. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov SPb. (CGAIPD SPb.). [The Central State Archive of Historical and Political documents of St. Petersburg. (TSGAIPD SPb.)] F.16. Op.5. D.5951. (In Russ.)
2. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov SPb. (CGAIPD SPb.). [The Central State Archive of Historical and Political documents of St. Petersburg. (TSGAIPD SPb.)] F.16. Op.6. D.6913. (In Russ.)
3. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov SPb. (CGAIPD SPb.). [The Central State Archive of Historical and Political documents of St. Petersburg. (TSGAIPD SPb.)] F.16. Op.6. D.6932. (In Russ.)
4. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov SPb. (CGAIPD SPb.). [The Central State Archive of Historical and Political documents of St. Petersburg. (TSGAIPD SPb.)] F.16. Op.6. D.6947. (In Russ.)
5. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov SPb. (CGAIPD SPb.). [The Central State Archive of Historical and Political documents of St. Petersburg. (TSGAIPD SPb.)] F.16. Op.6. D.6943. (In Russ.)
6. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov SPb. (CGAIPD SPb.). [The Central State Archive of Historical and Political documents of St. Petersburg. (TSGAIPD SPb.)] F.16. Op.6. D.6934. (In Russ.)
7. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov SPb. (CGAIPD SPb.). [The Central State Archive of Historical and Political documents of St. Petersburg. (TSGAIPD SPb.)] F.16. Op.5. D.5915. (In Russ.)

8. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). [The State Archive of the Russian Federation (GARF).] F.3316. Op.2. D.554. (In Russ.)
9. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov SPb. (CGAIPD SPb.). [The Central State Archive of Historical and Political documents of St. Petersburg. (TSGAIPD SPb.)] F.16. Op.5. D.5908. (In Russ.)
10. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov SPb. (CGAIPD SPb.). [The Central State Archive of Historical and Political documents of St. Petersburg. (TSGAIPD SPb.)] F.16. Op.6. D.6930. (In Russ.)
11. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii (RGASPI). F. 17. Op. 65. D. 141; Davidyan I., Kozlov V. CHastnye pis'ma epohi Grazhdanskoy vojny. Po materialam voennoj cenzury [The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 17. Op. 65. D. 141; Davidyan I., Kozlov V. Private letters of the Civil War era. Based on the materials of military censorship] // Neizvestnaya Rossiya. XX vek. M.: Istoricheskoe nasledie, 1992. Vyp. 2. [Unknown Russia. XX century. Moscow: Historical Heritage, 1992. Issue 2.] (In Russ.)
12. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii (RGASPI). [The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)] F. 17. Op. 6. D. 416 (In Russ.)
13. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov SPb. (CGAIPD SPb.). [The Central State Archive of Historical and Political documents of St. Petersburg. (TSGAIPD SPb.)] F.16. Op.5. D.5911. (In Russ.)
14. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov SPb. (CGAIPD SPb.). [The Central State Archive of Historical and Political documents of St. Petersburg. (TSGAIPD SPb.)] F.16. Op.6. D.6939. (In Russ.)
15. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov SPb. (CGAIPD SPb.). [The Central State Archive of Historical and Political documents of St. Petersburg. (TSGAIPD SPb.)] F.16. Op.6. D.6925. (In Russ.)
16. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov SPb. (CGAIPD SPb.). [The Central State Archive of Historical and Political documents of St. Petersburg. (TSGAIPD SPb.)] F.16. Op.4. D.4800. (In Russ.)
17. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov SPb. (CGAIPD SPb.). [The Central State Archive of Historical and Political documents of St. Petersburg. (TSGAIPD SPb.)] F.16. Op.5. D.5910. (In Russ.)
18. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov SPb. (CGAIPD SPb.). [The Central State Archive of Historical and Political documents of St. Petersburg. (TSGAIPD SPb.)] F.16. Op.6. D.6938. (In Russ.)
19. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii (RGASPI). [The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)] F. 17. Op. 85. D. 170 (In Russ.)

Izmozik Vladlen Semyonovich – Doctor of Historical science, Professor of the Department of History and Regional Studies, The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), izmozik@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 25.08.2025; принята к публикации: 23.09.2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Измозик В. С. Структурно-текстологический анализ проблем частной и общественной жизни граждан советской России по материалам политического контроля 1920-х гг. // Социогуманитарные коммуникации. – 2025. – № 3(13).– С. 7-15.

FOR CITATION:

Izmozik V. S. Strukturno-tekstologicheskij analiz problem chastnoj i obshchestvennoj zhizni grazhdan sovetskoy Rossii po materialam politicheskogo kontrolya 1920-h gg. [Structural and textual analysis of the problems of private and public life of citizens of Soviet Russia based on the materials of political control in the 1920s] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2025. № 3(13). P. 7-15.